Дмитрий СТРЕШНЕВ

СЛУЧАЙ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

— ... и десять золотых экю, по двадцать пять су каждое...

— Нет, мессер Джано, по двадцать четыре су.

— Почему по двадцать четыре? По двадцать пять, Угуччоне.

— Нет же, это было зимой, а сейчас по двадцать четыре, мессер!

В мощеном дворе, среди каменных стен голоса разлетаются гулко, как в театре.

— Ну ладно, ладно, по двадцать четыре.

Это мессер Джано Фифанти, это его мурлыкающий тенор, а вот и он сам, его розовый колет — немного смешная, но простительная прихоть человека не старого, но и не молодого уже. А к колету — седина колечками в бородке и на висках. Угуччоне Каструччо — фактор неапольской фактории торгового дома Фифанти, горбясь над таким же коренастым, как и сам он, столом напротив мессера Джано (по случаю весны тот перенес дела на нежное солнце), забормотал:

— Взяты из фактории: дорогие покрывала лангедокского сукна, зеркала, сундуки орехового дерева... кожа и флорентийские ткани для французского двора... и шерсть — двадцать два тюка по четырнадцать флоринов... Уплачено за погрузку... за аренду корабля — две тысячи... а еще — дорожные, мостовые, береговые... еще за пользование королевскими весами... опять же гостиный двор в Монпелье...

— Я вам разве говорил там останавливаться? — простодушно удивился мессер Фифанти.

Фактор заерзал.

— Да мы... я решил, что...

— Ну ладно, дальше, дальше...

— По двадцать денье в пользу короля с каждой бочки...

— А как мои рудники, что я купил в Божоле? — вдруг спросил мессер Фифанти.

— Я хотел после...

— Нет уж, мой друг, давай сразу. Что-то я не вижу от них дохода. А есть ли рудники-то, а?

— Дело в том, мессер... королевский казначей...

— Что — королевский казначей?

— Дает свою цену за медь и серебро. А с нашей не согласен.

— Ах, грабитель! Вон оно что! — у мессера Фифанти пальцы левой руки от огорчения стали подпрыгивать и стучать по столу. — А что это за неприятности, о которых написал мне нотариус Росиньоль? Умер кто-то?

— Крепь обрушилась, мессер, десять рабочих придавило.

— Гм, смотри-ка, почти дюжина... И что же Росиньоль?

— Просил передать, что надо бы замять это дело.

Обе руки мессера Фифанти покинули стол и обратились к небу.

— Тело Иисуса Христа! Компаньон он мне по рудникам или не компаньон, я тебя спрашиваю, Угуччоне?

— Компаньон, — согласился фактор.

— Или он не нотариус, скажи мне?

— Известное дело, нотариус.

— Святая дева Мария! Почему же всеми этими делами должен заниматься я здесь, в благословенной Флоренции, когда рудники там, у него под боком? — фактор преданно моргал. — Ладно, придется написать казначею, пусть займется... грабитель!.. Еще что, Угуччоне?

— Еще надо, — заторопился Каструччо, — для тех же рудников пять цепов железных больших, бадей для откачки воды, молотов и ломов, наконечников для кирок, один ворот на конной тяге, новую плавильню поставить...

— С плавильней и воротом подождать, — решил мессер Фифанти и прихлопнул ладонью, как печатью. — Жалованье снизить, а поденщиков брать из бродяг и нищих. Распорядись, да не откладывай.

— Кривой Венто привез барку кораллов из Египта. Высадился тайно возле Ливорно. Вообще-то пришлось, как вы велели...

— Ладно, ладно! — перебил купец. — Это не надо, это ваши там дела...

Он покосился на слугу и повара, которые болтали поодаль, и нетерпеливо спросил:

— А что слышно в Париже?

— Много слышно, мессер... — растерялся фактор.

— Ну, выкладывай, выкладывай! Видишь: я уже устал.

— Говорят, Ангеррана де Мориньи скоро свалят. Завидуют ему очень... советники завидуют, секретари...

— Чиновники, советники, — пробормотал мессер Фифанти, а глаза его вдруг сузились так, что у фактора Угуччоне голова стала оседать в воротник. — Получают по сто ливров, а воруют по четыре тысячи. Скажи, мой друг, а доходные места там так же продаются, как и у нас во Флоренции? Нобили так же продают должности, а денежки кладут в карман?

Угуччоне Каструччо шумно вздохнул.

— Да, мессер.

— Вот они, люди!

— Да, вот они, люди...

От невидимых ворот долетел стук, потом шум. Слуга, что болтал с поваром, завертел головой, вытер нос и побежал посмотреть, что за шум.

— А... как, мессер, с моей просьбой? — вдруг отважился Каструччо.

Но мессер Джано Фифанти, погруженный в серьезные мысли, только вздохнул.

— М-да... В благословенной Флоренции, слава Богу, спокойно. Чернь утихомирилась. Нобили бесчинствуют в меру... Торговлишка движется... — он стал складывать монеты в кучку. Как четки перебирает, пришло на ум фактору. — Так что там? — наконец обернулся мессер Фифанти к слуге, который вернулся с известием.

— Какой-то бродяга, мессер. Вцепился в ворота, как кошка, говорит, что хочет открыть великую тайну, — сообщил тот, гнилой улыбкой показывая, что не одобряет.

— Вот ведь какое дело... — сказал мессер Фифанти, отпуская слугу и в задумчивости крестясь. — Извини великодушно, Угуччоне. Видишь ли, я дал обет ласково принимать всех пилигримов и странствующих.

— Боится прохлопать какого-нибудь святого апостола! — шепнул слуга повару.

— Это после того, как пустил по миру семейство Пульчи и зацапал все их имущество, — шепнул повар обратно.

— Ну, друзья мои! — сказал мессер Фифанти слабым голосом кающегося грешника, и слуга с поваром застыли. «Друзья мои» — это было нехорошо, это было опасно. — Друзья мои, впустите бедного скитальца и устройте ему трапезу... — повар и слуга поклонились. — Скромную, чтобы не оскорбить его святые чувства.

Повар и слуга поклонились еще раз, пятясь в разные стороны.

— Так, значит, насчет прибавки... Ребята просили узнать... — снова выдавил фактор. — Опасно стало, знаете... бури, разбойники...

— Бури, разбойники... — раздумчиво отозвался купец, перебирая монеты, и остановил в пальцах крузат. — Сколько напастей ты, приятель, пережил, пока прикатился сюда?.. — теперь не уступит, огорчился Каструччо. — Божьего гнева каждый день ожидать нужно. Сегодня тихо, завтра — безумно. Неустроенно живем, Угуччоне. Забыли люди совесть и имя Христово!

Фактор изобразил некоторое благочестие. «Черт бы тебя побрал! Христовым именем мне, что ли, с ребятами расплачиваться!»

— Как будешь в Салерно, — вдруг сказал мессер Фифанти, и звякнуло об стол, — как будешь в Салерно, там, говорят... — Угуччоне Каструччо смотрел на стол, где рассыпались монеты. — Говорят, пираты-арнауты продают юных мусульманок... — монеты передвинулись ближе. Фактор глазами сосчитал: три золотых дуката, дюжина флоринов, двадцать парижских ливров. — Купишь мне двух... — еще выплыли два золотых. — Лет шестнадцати... лучше четырнадцати... чтобы воспитать их в правильной вере.

Весь флот монет причалил к тому краю, где сидел Угуччоне.

Тут мессер Фифанти стал смотреть на вновь появившегося слугу и темную оборванную фигуру позади него и уже не видел, как пропали монеты и как фактор Каструччо тихо удалился, кланяясь.

Неведомый человек, наконец, очутился близко, и мессер Фифанти разглядел его спекшиеся от упрямства губы, грязные ноздри, с презрительным шумом втянувшие воздух жилища богача; неистовые глаза и сальные волосы. Купец остался доволен: на-

стоящий божий человек, презирающий vanitá — суету, а не бездельник-болтун, каких сейчас развелось... прости, Создатель...

— Откуда ты, милый мой?

Человек долго смотрел исподлобья, прежде чем ответил.

— Из Амальфи.

— Это же далеко! Как же ты так быстро дошел?

— Вчера я ночевал в Ластре, — ответил странник, все так же косясь.

— А почему ты бродишь? Ты бежишь от набегов турок и сарацин? Дали тебе что-нибудь поесть эти, — в сторону слуги, — зажравшиеся псы?

Слуга состроил постное лицо.

Но попрошайка сделал вид, что слова уважаемого мессера для него не более красноречивы, чем сквозняк.

— Я несу людям спасение.

— Во имя Отца и Сына... дело хорошее, — одобрил мессер. — А вот скажи мне, давно ли ты бывал в Ри...

— Я несу всем правду об Острове Света.

— Это где ж такой? — заинтересовался мессер Фифанти.

— Мир прокис во лжи и пороках...

— Ой, верно!

— ...Процветают разбойники. А люди целуют руку, которая их бьет. Бесправный, бесприютный люд набирают на галеры и в цеха и заставляют работать за ломоть гнилого хлеба...

Мессер Фифанти заморгал...

— ...властители наживаются на войнах и раздорах...

...и закивал.

— ...но это всё — не на Острове Света!

— Да! — горько вздохнул купец, удобней усаживаясь на скамье. — Да, милый мой! Кругом поборы, произвол... дорожные сборы, мостовые, за каждую бочку вина, за каждую дюжину кож... Все эти жадные до денег князьки, все эти Кампофрегосо и Одорно...

— Но!.. — грозно сказал странник и будто сдул последние слова мессера Фифанти. — Но — Остров... — и тут струна его голоса дрогнула. — Там никто не сидит в праздности и никто не голодает, а свободное время проводится в достойных и полезных занятиях, а не в разгуле...

— Слава Иисусу! — завершил мессер Фифанти. — Где же такое местечко, милый?

Глаза под липкими прядями сверкнули, из них вылетел словно бы луч, легко пронзил купца и улетел куда-то вверх.

— Остров... там! — неопределенно показала грязная рука.

— А... — тоже неопределенно согласился мессер Фифанти. Он опять слышал какой-то шум от ворот и сделал слуге знак заняться делом.

— Законы на Острове немногочисленны, кратки, ясны и справедливы...

— Так, так...

— ...люди не подвержены низменным страстям...

Шум вырос, в него вплелись отдельные крики.

— ...потому что всех примиряет общий труд...

Уже два или три голоса кричали так, что можно было разобрать: «Стой! Ты к-куда?.. За волосы его!..»

Мессер Фифанти стал невольно коситься вбок. В одно его ухо влетало: «...а разве справедливо, что лучше всех себя чувствуют в этой жизни нечистоплотные торговцы и удачливые убийцы?..», а в другое: «Ах ты ногой лягаться?! У-у, боров!..»

Наконец раздалось словно бы несколько ударов палкой по выбиваемой перине, и тут же во двор вбежали несколько человек. Точнее, вбежал один, остальные были фигуры известные — слуга и повар.

— А! — закричал вбежавший прежде, чем мессер Фифанти успел рассмотреть две спелые ягоды его глаз, словно упавшие с рыжего куста на макушке и закатившиеся за выпуклые щеки. — А! Ты уже здесь, усохшая гнилушка, мозгляк, жабий проповедник!

Слуга и повар наскочили на вдруг остановившегося беглеца и повисли на его круглых плечах, ожидая сигнала. Но у мессера Фифанти глаза лишь бегали туда-сюда. Ему неожиданно пришла странная мысль, что обе фигуры — и худой, и рыжий — выпали из одной карточной колоды, но только масть у них была разная — один что-то вроде пик, а другой, очевидно, из бубен.

Между тем тот, что явился первым, скривился и, презрительно выставляя вперед зубы, прокричал:

— Природа хочет для каждого человека счастья, но достигает его чаще грабитель бесчестным делом, а не честный труженик своим ремеслом!

«Эге, да они вроде как беседуют!» — догадался мессер Фифанти. В ответ рыжий радостно упер руку в бедро, отчего висевший на нем слуга сполз на каменные плиты.

— Значит, если все будут сытно есть и сладко спать, это и будет зваться счастьем?

— Не клевещи на Остров Света, мерзавец! — раздалось в ответ.

— Самозванец! Мое слово разгонит, как пыль, твои бредни!

«Еще один странник, божий человек!» — ахнул Фифанти.

Черный ощерил зубы, набирая воздух в узкую грудную полость — и звук получился такой же узкий и длинный, как его хозяин:

— Во и-мя сво-бо-ды!!..

— Стойте, стойте! — забеспокоился мессер Фифанти. — Что это вы так шумите? Что это вы так кричите? Вы ведь бродячие проповедники, правда? Божьи люди?

— Синьор, — сказал рыжий, показывая мизинцем на того, кто пришел вперед него, — если б вы знали, как давно я хожу за этим обманщиком, за этим дырявым мешком, полным лжи. Он дурит добрым людям мозги, а в головах и без того развелось слишком много мыслей, оттого и все несчастья!..

Мессер Фифанти, разумеется, посмотрел при этих словах на первого, но не успел даже толком ничего понять из сказанного, как тот и сам смутил купца, заверещав, словно заяц, настигнутый собаками:

— Вурдалак! Змей ненавидящий! — и мессеру Фифанти, протыкая воздух пальцем, похожим на стилет: — Разве можно назвать человеком того, кто питается сырым мясом себе подобных?

— А-а!.. — закричал тут же рыжий.

Мессеру Джано Фифанти померещилось, что два пронзительных голоса сталкиваются над ним с искрами и скрежетом, словно отполированная сталь:

— А разделение на «жирный» и «тощий» народ — это верно? Значит, дети богатых так и будут получать преимущество?! — кричал один голос.

— Ха-ха! — рассекал его другой. — А кто же будет очищать кишки, перед тем как набивать туда колбасы? Кто-то ведь должен это делать! Если все полезут в нобили, то и колбас не будет.

— Вот-вот! Так людей и делают негодяями и обманщиками! ворами! убийцами!

— Го-го-го! Когда правителя, мессера Джорджо, вели на казнь, глазеть на нее собрался тот самый народ, который еще вчера боготворил его. А потом этот же народ таскал его труп по улицам!

Слуга и повар снова привычно встали неподалеку, сложив под животами руки, а мессер Фифанти почувствовал, что сходит с ума. Подумать только: сразу два божьих человека, бродячих проповедника, и как только один что-нибудь скажет — другой сразу же скажет наоборот, и у обоих все выходит так правильно и гладко!

— Вот ты сам и поймал себя, — сказал вдруг первый бродяга переливающимся колокольной торжественностью голосом и вздыхая, будто ему было грустно, что рыжий сам себя поймал. — Когда все будут одинаково трудиться, не будет вони несправедливого богатства, которая затуманивает мозги.

Мессер Фифанти, раскрыв рот, со страхом посмотрел на рыжего: черный явно победил. Ничего не возразишь: если все будут, как завещал Господь, хлеб свой добывать в поте лица...

— А кто хранить да выдавать будет? Мясо резать на кухне? Хлеб в мешки насыпать? Неужто он своему сыночку лишнюю горсть не отсыплет? Да это же опять получится, как в богоспасаемой Флоренции, не лучше.

Купец испуганно перекрестился. Иисусе сладчайший! И опять верно получается! Голова его повернулась — теперь уже к черному. Тот тонко улыбнулся, и мессер понял с облегчением: сейчас скажет правильное.

— Вот почему на Острове Света и обходятся без всех этих чванливых приоров и капитанов справедливости, а на главные должности свободный народ выбирает самых мудрых и уважаемых.

— О! — рыжий сморщился, будто понюхал навоза. — Да знаешь ты, кого люди считают мудрым?

— А я верю в людей!

— Потому ты и побираешься по дворам в лохмотьях.

— На Острове Света будут другие люди!

— А эти куда денутся?

Черный на миг задумался.

— Переучим.

— Как?

— Разумом... искусством. Пусть каждый день занимаются искусством, ибо оно возвышает.

— Обожрутся твоим искусством и будут рыгать.

— Искусством нельзя пресытиться!

— А я? Я — обожрусь!

— Таких... — черный с презрением поглядел. — Таких — заставим.

— О-хо-хо! Вот это уже по-нашему!

На этом месте мессер Фифанти решил наконец снова вставить свое слово.

— Я вижу, — начал он, — у вас обоих благородное стремление размышлять о людях...

— Люди! — завопил вдруг рыжий и ткнул рукой прямо в осоловевшую рожу повара, да так, что чуть не попал ему в глаз. — Нищие души! Орут и дерутся по пустякам, но когда их притесняют — кланяются подлым властителям. Эти люди достойны только батогов и тюрем!

— Да потому несчастные и молчат, — тут же закричал первый, — что властвует тот, кто захватил место мошной или силой!

— Ой, верно! — несмело поддакнул мессер Фифанти. — Неизмерима людская жадность...

— Ха-ха!.. Что-то не много видел я справедливости, когда во время бунтов поджигали дома и рвали людей по-звериному на части!

— Ой, верно! — опять вырвалось у купца. — Хуже нет, когда нищий пополлан становится нобилем!..

— Чтобы правители не зазнались, их решения должен одобрить народ!..

Мессер Фифанти вдруг с ужасом почувствовал, что этот спор и крик уже не может прекратиться. Или прекратится только тогда, когда один из божьих странников по какой-нибудь причине замолчит. Но при мысли о такой причине мессера стала покалывать дрожь.

— Да ты что — растерял мозги? Не помнишь: когда синьория предложила наемного солдафона — герцога Готье государем Флоренции на один год, народ сам стал кричать: пожизненно! А потом толпа носила его на руках по площади!

— Что же ты хочешь, низкий раб, от непросвещенной толпы, когда все законы вокруг применяются для охраны власти и богатства? А человек...

— Человек-то, человек! — завизжал рыжий. — Этот-то сосуд греха и обжорства? Ха-ха! Ты ему об Острове Света, а у него одна мечта — бабу на сеновал завалить. А если у праведного вашего правителя вдруг испортится печень? Желчь бросится в мозги?.. Или жена у него... жена... знаешь, что с бабами бывает, когда они в летах?.. А...

К сожалению (и несмотря на то, что мессер Фифанти слушал с большим интересом: что там с бабами в летах? хотя, в общем, и догадывался), на этом месте словесный поединок оборвался. Посланник Острова Света как бы поставил точку, достав сухим кулаком розовое ухо визжавшего. После этого оба странника так стремительно побежали друг за другом по двору, что купец, его слуга и повар не сразу догадались, что возвышенная богоугодная беседа окончательно перешла в вульгарное пересчитывание чужих зубов. Мессер Фифанти опомнился, только когда бродяги, завыв ужасные угрозы, стали карабкаться по лестнице на галерею второго этажа: черный впереди, рыжий за ним.

— Эй, ловите их!.. — слуга и повар переглянулись. — Нет! Пусть один бежит за стражей... — и тот и другой бросились со двора. — Эй, стойте! Куда вы оба!

Но слуга и повар, очевидно, бежали так быстро, что уже не слышали последних слов хозяина.

Мессер Фифанти остался один на скамье, тоскливо ругая бестолковых прислужников и наблюдая, как соперничающие пророки наконец вцепились друг в друга на галерее. Иногда они падали, и тогда за перильными столбиками было плохо видно, чьи аргументы на сей раз убедительнее. Слушая рычание и сочные звуки драки, мессер Фифанти от испуга стал читать «Отче наш», сгоряча прочитал пять раз и вдруг обнаружил: каждая новая строчка приходится на удар: «Иже еси...» — бах! «Да приидет царствие...» — трах! — о колонну. А потом оба тела, сцепившись, покатились обратно вниз по ступеням: «И прости нам...» — «И не введи...» — «И слава во веки» — и в конце: «Аминь!»

В этот момент во двор вбежали нерадивый слуга и повар с алебардщиками.

— Ах, ах! — только и успел сказать мессер, как жилистые руки с привычной ловкостью подхватили два тела и поставили на ноги, держа за дергающиеся, как у жуков, локти. Всё тут же обрело шахматный порядок, в котором выделялся начальник стражи, никого не державший за локти, а стоявший от утихшей суматохи в некотором презрительном отдалении. Проведя начальственный осмотр, он сделал несколько гордых шагов к мессеру Фифанти, чтобы лучше показать ему свою значимость вместе с парой прекрасных новых перчаток из желтой кожи.

— Мессер, эти люди что-нибудь украли или испортили?

Купец невольно встал, испытывая почтение к желтым перчаткам и красному бе-

рету.

— Нет... Они немного поспорили, а потом подрались.

— Вам не угрожали?

— Слава Создателю, такого не было.

— Ясно, — сказал начальник стражи, и по его энергично двигающимся усам было видно, что ему действительно всё ясно, как божий день. — Просим извинить за вторжение. Эй, ребята!..

— Постойте! — совершенно непонятно заволновался вдруг мессер Фифанти. — Как-то все это так...

— А вы бы не принимали дома разных голодранцев, мессер, — отечески сказал начальник стражи, понизив, правда, голос.

— Божьи же люди...

— Это выяснят святые отцы, божьи или из другой конторы. Ваши ребята мне по дороге порассказали кое-чего...

Начальник стражи начал было торжественно поворачиваться обратно — к своим служебным обязанностям, но мессер Фифанти сам не понял, как очутился возле него и пальцами нащупал грубое сукно рукава.

— Надеюсь, — сказал он приятным голосом, — мое имя не будет... вы понимаете...

В тот же момент начальник стражи ощутил, как в перчатку ему проскочило что-то холодное.

— Господь не оставит своих верных слуг, — уклончиво сказал он, пытаясь определить по весу, во сколько наглый купец оценил сдержанность официального лица.

— Помилуйте! Уж Господь-то все видит, он-то знает, что за такую простую услугу крузата достаточно.

— Ах, не богохульствуйте! У меня начинают пальцы дрожать.

Начальник стражи не успел договорить эти слова, как в перчатку снова упало, звякнув о первое.

— Желаю спокойствия и благополучия, мессер!

Начальник стражи наклонил берет, повернулся и сделал привычный жест:

— Пошли!

Тут же алебардщик толкнул в спину черного, а следом потащили рыжего. Но, вывернувшись в чужих руках, посланец Острова Света продолжал хрипеть перекрученной шеей (видно, спор так и кипел в этих глотках, не прерываясь):

— ...Величие духа, а не кошелька!..

— А если я хочу иметь не один плащ, а сто? — тут же дернулся рыжий.

— Тот, кто имеет сто плащей, захочет иметь и сто домов и тысячу слуг!..

— А-а! Так ты бережешь дураков от раздумий! Не хочешь, чтобы они ломали себе голову над тем, как и почему катаются флорины!

— Вот-вот! Если предоставить флоринам кататься, они укатываются от одних и прикатываются к другим!..

Это были последние слова, которые слышал мессер Фифанти, а последнее, что он видел, была внушительная спина начальника стражи, позади которой взбудораженный воздух вновь удивительным образом обретал спокойствие благородного хрусталя.

* * *

Зима огрызалась сильным холодным ветром — и мессер Фифанти кутался в плащ, прижимаясь к стенам. Никого не было на улицах, только побирались две вороны. Увидев большую серую птицу, подпрыгивающую на камнях мостовой и шмыгающую покрасневшим носом, вороны злобно загалдели и отлетели прочь, опрокидываемые ветром. Мессер Фифанти и сам готов был досадливо закаркать, когда очередной порыв пробирал его до костей.

Какая же сила оторвала его от жаровни с горячими углями, от подогретого вина? Что гонит его, как какого-нибудь нищего пополлана, по ветренным каменным ущельям Флоренции? Значит, какая-то причина есть, и не из-за нее ли он не спал всю ночь?

Да, представьте себе, такой достойный и состоятельный человек не спал всю ночь! И как же он мог спать, если в его доме схватили двух божьих людей, двух проповедников, да еще таких умных, и при этом он сам послал за стражей! Какой позор! Даже если начальник стражи будет держать рот на замке, все равно — позор никуда не денется, ведь он очутился в самом надежном месте — в сердце у Джано Фифанти. Мессер помнил, как еще в детстве мама рассказывала ему об Иуде, и он пугался: как же мог так поступить этот ужасный человек? И хотя удавившегося было жалко (из-за того, что он все-таки раскаялся), грусть была не горькая, а торжественная, как молитва, потому что была положена на высокую музыку справедливости.

Эти вот воспоминания и подталкивали сейчас мессера Фифанти сильнее, чем ветер. Потому он и шел в это утро, борясь со стихией, к князю Альбериго Делла Белла.

А еще купца донимало, словно болезнь, непонятное беспокойство от тех слов, которые он услышал от двух проповедников. И хотя он не спал, в ночном дыму ему так и мерещились страшные люди с вывернутыми ртами и выкаченными глазами и слышались их немые крики.

Джано Фифанти даже вздрогнул, вспомнив об этом, но посмотрел на Каштановую башню, где заседали приоры, и беспокойство стало таять... все спокойно в богоспасаемой Флоренции. Наконец купец добрел до Дворца синьории и поинтересовался, есть ли случайно князь Делла Белла.

Князь случайно был. Мессер Фифанти в этом не сомневался, потому что политик должен находиться среди знатных людей и следить путь каждого, как купец следит путь каждого тюка шерсти. А кроме того, мессер Фифанти, как добропорядочный флорентиец, был немного наслышан о семейной жизни князя, и это тоже придавало уверенность относительно встречи в синьории.

Князь принял купца весело и радушно.

— А! — произнес он с обитого красным бархатом стула через всю залу, где по мраморному холоду расхаживали завернутые в плащи нобили и шуршали по углам секретари. — Вот и любимый сын торговли! Почтите его подвиг подогретым вином. Садитесь, мессер.

Фифанти сел на жесткую скамеечку напротив князя и увидел, что тот уже немало погрелся: нос у него лоснился, губа краснела сквозь бородку. Потом Альбериго Делла Белла занялся с секретарями, с какой-то бумагой, стал шептаться с некоторыми носителями больших фамилий, хмыкать, крякать, сердиться, хохотать. Короче, вершил государственные дела.

Наконец, когда чаша в руках мессера Фифанти уже опустела, а ее серебряные бока стали неприятно остывать, князь отпихнул какое-то очередное лицо, быстро приговаривая: «Потом... потом...» — и наклонился к Джано:

— Ну, как дела, мой друг?

— Идут помаленьку, ваша светлость, — сказал купец. — Благодарю за заботу, времена, слава Богу, спокойные... корабли уплывают и приплывают...

При этом мессер Фифанти задумчиво посмотрел на синьоров Моска Фортебраччо и Ламбертуччо Галеаццо, совершенно случайно остановившихся неподалеку и совершенно поглощенных беседой; а затем туда, где синьор Форезе Моцци с трепетным вниманием разглядывал на стене фреску «Вручение ризы святому Ильдефонсу». Князь, увлеченный глядением мессера, тоже заозирался.

— Что это вы липнете ко мне, как к девке? Ступайте, ступайте! Дайте перемолвиться словечком с моим другом! — синьоры сдержанно поклонились и отошли. — Любопытные все, хоть плачь! — сообщил князь мессеру Фифанти, но плакать явно не собирался. — Так что там корабли?

— Уходят и приходят, ваша светлость. Один из них, «Сан Джованно»...

— Хорошее название, — к месту и с чувством вставил князь.

— Да, хорошее название, покровитель нашего города... Этот корабль вернулся из Леванта и привез шелк такой редкой красоты, что я решил... я подумал...

— Правильная мысль, мой друг, — одобрил Альбериго Делла Белла.

— Завтра же пришлю вам образцы, ваша светлость, — сказал мессер Фифанти, добавив мысленно к шелкам три квинтала перца, миндаль и александрийский сапфир, но сапфир тут же мысленно убрал, поколебался и сообщил: — А также, ваша светлость, высоко ценя доброе отношение ко мне синьоров нобилей, передаю в дар те подсвечники и семь бочек вина, за которые синьория должна мне 400 флоринов...

При этих словах князь не сдержался и хлопнул себя по колену.

— Ну! Я так и думал! А ведь некоторые уже стали поговаривать, что, мол, Фифанти совсем загордился! Забыл Бога и совесть! Но ты достойно поступил, мой друг. А? — восклицания князя громко прокатились по зале, но синьоры нобили были так увлечены своими делами и беседами, что не расслышали их. — А вот что, — сказал князь, снова убавив силу голоса. — Говорят, твой человек... этот... Каст... ну, бог с его именем, в общем, который пронырлив, как кот, был во Франции и в Риме. Что он рассказывал?

Мессер Фифанти печально заморгал.

— Ничего веселого, ваша светлость. Сплошные угрозы и вымогательства. Из-за денег всюду оговаривают и отправляют на эшафот, травят честных купцов... В Париже сведущие люди поговаривают, что конец света...

— Это верно, в Париже любят болтать, — заметил князь поперек рассказа, и мессер Фифанти вежливо замолчал. — Но я слышал, у тебя есть смелые ребята в Марселе и хорошие знакомые в Александрии.

— Да, ваша светлость, — сказал Джано Фифанти, догадываясь, куда заворачивает беседа, — есть кое-какие... правда, чужие языки, бывает, говорят лишнее...

— Это я к слову. Я вдруг подумал: а не может ли мой друг помочь отправить корабль

с грузом в Левант?

Брови у князя взлетели, потом опустились, а в глазах появилась философская отстраненность, как будто перед ним сидел не мессер Фифанти, а какой-нибудь Сократ, а сам он был, например, Платоном.

— Это, наверное, ценный груз? — утвердительно спросил купец.

— Ценный и очень дорогой, — вздохнул князь.

— М-да... — посочувствовал купец.

— То-то и оно! — заметил Делла Белла.

После этого очередь говорить снова оказалась за мессером Фифанти, и он начал было сбивчивым шепотом:

— Ваша светлость, ведь папа отлучает от церкви за продажу неверным оруж... — но тут же по неизвестной причине вдруг на секунду онемел, а князь, хмурясь и совершенно не понимая, спросил:

— Продажу — чего?

Когда голос вернулся обратно, мессер Фифанти дошептал:

— Вашего ценного груза.

— Я думаю, что святой престол не откажет мне в маленькой просьбе. Солидные люди всегда договорятся.

— Но ведь это получается... вроде как уби... хрис... хрис...

Тут купец снова таинственным образом онемел и немел до тех пор, пока Делла Белла, глядя на него с самым доброжелательным видом, не спросил ледяным голосом:

— Так что, ты отказываешься, мой друг?

Опытным глазом князь разглядел, что в душе у мессера Фифанти при этих словах пришли в движение гирьки, уравновешивая что-то, а что именно, князю не было, разумеется, видно. Впрочем, его это и не занимало.

— Ах, ваша светлость, — простонал наконец торгашеский тенорок, — ценя вашу дружбу, я к вашим услугам.

— Спасибо, мой друг. Я почему-то не сомневался в твоем понимании и — видишь! — не ошибся. Это дело мы обговорим позже. Можешь располагать мной, если будет в чем-то необходимость.

И князь Альбериго Делла Белла уже стал искать глазами секретаря, вспомнив о прерванном течении государственных дел, и не ожидал, что мессер Фифанти захочет располагать им так скоро.

— Ваша светлость, непростительно отвлекать вас мелкими делами...

— Да-да, Джано, говори, — сказал князь, почти не поморщившись.

— Ваша светлость, я хотел бы попросить за двух божьих людей...

— Чьих людей, Джано? — переспросил князь, не расслышав фамилию.

— Божьих.

Бровь у князя зашевелилась, а по лбу прочертился неприятный зигзаг.

— Что с тобой, мой друг? Я не занимаюсь божьими людьми.

— Знаю, ваша светлость, — поспешно зашептал мессер Фифанти. — Но такое дело... — («Святой Джованно! Еще решит, что я не в своем уме!») — Уж больно необычные люди... проповедники, ваша светлость... — («Ну точно, решит, вон глаза стали совсем оловянные»). — Один рассказывает про Остров Света, а другой наоборот... — («Что я несу! Дева Мария!») — Я такого еще в жизни не слышал... но их схватили в моем доме... потому тяжело на сердце... вот тут — как будто свинец. Я всю ночь, ваша светлость...

Однако князя сбивчивая словесная отрыжка, неожиданно обуявшая купца, почему-то заинтересовала.

— Смотри, как тебя разобрало, друг мой. Неужели такие хорошие проповедники? Бойкие ребята, а?

— Бойкие, — согласился мессер Фифанти. — Божьи люди.

— Надо будет на них посмотреть. Скукотища такая, между нами скажу тебе, Джано, одни и те же рожи вокруг, и погода, будто на небе кто-то... — князь отчего-то недоговорил и задумчиво перекрестился. — Впрочем, там видней, чего мы, грешные, заслуживаем... Когда схватили этих людей?

— Вчера, ваша светлость.

Князь Альбериго Делла Белла щелкнул пальцами, чтобы подошел секретарь, и приказал:

— Посмотри, записано ли где, что каких-то двух оборванных проповедников вчера схватила городская стража? — через секунду секретарь вернулся, согнул свою гибкую спину. Левая бровь у князя дрогнула (примета высокого благородства крови). — Интересно... — говорил он, пока секретарь шептал. — И что же?.. Вот как... Ну-ну!.. И куда их? — спросил он наконец, пошевелив пальцами в воздухе. — А!.. К святым отцам!.. Вот видишь, дорогой мой, — обратился он к мессеру Фифанти, — монахи уже

зацапали твоих бездельников. Они что — еретики?

— Нет, ваша светлость! — испугался купец. — Ничего такого, клянусь Христом!

— М-да, любопытно... Непростые ребята, а? — спросил князь вроде как у секретаря (тот с достоинством кивнул), но вроде как и у мессера Фифанти (и тот тоже торопливо согласился). — Ну ладно, — решился Альбериго Делла Белла. — Взгляну, что за птички... Ради тебя, Джано, разумеется. Ради нашей дружбы, а? — последние слова вытекли из красного рта, как из фагота — с многозначительным переливом.

— Совершенно верно, ваша светлость. Чрезвычайно польщен, ваша светлость.

Мессер Фифанти от радости не заметил, куда девал серебряную чашу, из которой пил вино, и опомнился только на улице от сырого ветра. Одной рукой он стал пеленать себя в плащ, а другой несколько раз перекрестился на проросший вдали сквозь крыши купол собора. А после, предвкушая, как спокойно будет спать нынешней ночью, купец заторопился — скорей! скорей! — от синьории и от всей этой истории.

* * *

Монастырь Сан Сальви отделился от суетной Флоренции доброй милей полей и огородов. В тот пасмурный день весь он предавался благочестию и глядел на окружающее со строгим смирением, сжав створки захлопнутых ворот. Когда князь Альбериго Делла Белла и его свита, мелькая красным, пурпурным, бордовым, золотым и нежно-зеленым, подскакали ближе, могло показаться, что стены недовольно сморщились. Но на самом деле, конечно, это просто играло солнце, которое то появлялось, то залезало за облака.

Светло-серый под князем остановился, и вперед сразу поскакали несколько человек из тех, которых специально берут во все высокие свиты, чтобы кто-то мог крикнуть в нужный момент: «Посторонись, бревно!» Или, например: «Ты что, ослеп, плебейская рожа?» На этот раз они закричали:

— Эй, кто там есть! Отворяй!

Стены насторожились, в окне замигала чья-то голова. Потом, как и следовало ожидать, ворота разъехались. Будоража своды сытым цокотом, все втянулись во двор, где топтались подвязанные веревками монахи. На одном висел большой крест, и именно ему достались княжеские слова, как только Делла Белла расстался с седлом и стременами:

— А! Пьетро, мой друг!

— Да благословит вас Бог, — отозвался отец-настоятель довольно бесцветно.

— Как дела, мой дорогой?

— Хвала Иисусу.

— Да, вижу, вижу...

Присутствующие благожелательно слушали эту приятную беседу.

— А мы вот ехали, — сказал князь Делла Белла и оглянулся в подтверждение на своих бордово-нежно-зеленых, — и подумали: дай помолимся у братьев, а?

— Дело святое, — согласился отец-настоятель.

При этих словах на губы ему сами собой спустились молитвы, и он некоторое время беззвучно шептал, пока не нашел в себе силы снова вернуться к прозаическим обязанностям, и тогда уже приказал:

— Братья, отоприте храм для почтенных гостей.

— Вот-вот, ступайте с братьями, молитесь там усердней, — подтвердил князь. — А мы сейчас тут... — он взял монаха под руку, слегка сморщив при этом длинный нос аристократа (показалось, что от рясы воняет казармой). — Я слышал, мой дорогой, что тут у вас завелись два интересных парня.

У отца-настоятеля глаза польщенно поехали в сторону.

— В уважаемом месте как не быть интересным людям. Брат Томмазо на днях научился лечить геморрой наложением рук...

— Да с чего ты взял, что у меня геморрой? — сказал Делла Белла почти сердито и отстранился от монаха. — Я тебе толкую про тех двоих, которых схватили на днях в городе, в... одном месте. Проповедники, что ли, божьи люди... В общем, болтали невесть чего, несли без колес, языками сучили.

Пока князь говорил, на лице монаха отражались какие-то приливы и отливы, а потом из него с гневной натугой медленно полезли слова:

— Божьи люди... У этих божьих людей слов — как мух на помойке, и ни одного — о церкви и о Господе, а ведь Божьим провидением мир устроен и процветает.

— Это верно, храни нас всех святой Джованно, — быстро сказал князь и перекрестился. — Ну, Пьетро, покажи-ка мне их, хочу послушать.

— Они мерзкие развратники, и слушать их — только радовать дьявола.

При этом громком имени князь задумался, но потом спросил — с коварным простодушием:

— Так что же, подумай сам: значит, я зря сюда тащился?

— Ты молиться ехал, — воткнул Пьетро «ты», как булавку.

— Ладно, ладно, давай показывай, — сказал Делла Белла и хлопнул монаха по спину. — Не ссорься со мной, друг мой.

От шлепка отец-настоятель распрямился и сказал нехорошим голосом:

— Хорошо. Развлечем нечистого, — он зашагал к постройкам, быстро забубнив по латыни, и мимоходом объяснил: — Замаливаю грех нечестивого любопытства.

— Ничего! — добродушно сказал князь. — Думаю, глотка у тебя не пересохнет, ты ведь знаешь верное средство. А я завтра пришлю бочоночек.

Монах шагал быстро, и князь стукался плечами о стены в узких проходах. Они спустились, поднялись, опять спустились, и перед дверью Пьетро достал из рясы толстый ключ.

— Вот здесь они постигают мудрость и терпение.

Князь кивнул.

— И хорошо, что постигают.

Ключ торжественно повернулся. Но, прежде чем заскрипели петли, княжеская бородка подъехала к монашьему уху.

— А они — без ножей?.. Щупали их?

— Будем уповать на милосердие Божье, — сказал отец Пьетро, подняв глаза в потолок, и князь понял: щупали.

Убедившись на всякий случай, что длинный stiletto при нем, Делла Белла шагнул в тухловатый сумрак, застоявшийся за дверью, и не успел еще ничего разглядеть, кроме маленького окошка, как его спутник радушно представил:

— Герардо Пампецци и Бокаччо Бамбарезе, самозванцы и бездельники, поощряемые дьяволом.

Два бледных лица всплыли навстречу гостям. Герардо был с втянувшимися щеками и жидкими волосами, похожими на перья, а Бокаччо напоминал сердитого рыжего кота.

— Ага, — сказал Альбериго Делла Белла, страдая от запаха гнилой соломы и немытого плебейского тела. — Пусть расскажут, что они там болтали, Пьетро. Я хочу послушать.

— Послушать? Этих?!..

Отец-настоятель вытаращил глаза.

— Ну да! — сказал Делла Белла, уже злясь на его грязную рясу, на то, что мало солнца и много вони, на две эти головы с дурной начинкой, но прежде всего — на глупую прихоть мессера Фифанти. — Должен ваш князь знать или нет, кого и за что во Флоренции хватают и сажают в подвалы? — отцу Пьетро ничего не оставалось, как поджать губы и сделать вид, что согласен. Князь Делла Белла брезгливо присел на топчан и столь же брезгливо уронил: — Ну, что вы там болтали, свинячьи дети? — и после того, как в ответ некоторое время ничего не раздавалось, подозрительно покосился в сторону монаха. — Ты что, трогал их языки, Пьетро?

Отец-настоятель фыркнул.

— Наложили в штаны, наверное.

— Сам ты наложил в штаны, — тут же бойко отозвался худосочный Герардо. — Просто я, например, не вижу смысла метать бисер перед тем, кто этого недостоин!

— Вот, пожалуйста, какие речи. Я скорблю, — с ликованием заметил монах.

— Тогда ты должен вечно молчать, болван, — язвительно ввернул в адрес сердитого Герардо рыжий Бокаччо, — потому что люди — все, все! — свиньи. Силен ты — ненавидят, а слаб — презирают.

— Ну-ну, — оживился князь, — это уже интересней.

— Что же, — сказал отец Пьетро, с чувством перекрестившись, — спаси вас всех дева Мария, а я пошел. Не могу выносить такого надругательства.

Его ряса исчезла за дверью. Оба оборванца посмотрели вслед, а потом упрямыми глазами уперлись в дублет из узорчатой парчи, облекающий князя, а тот поощрил их:

— Ну, ребята, признавайтесь, за что это на вас так рассердились в нашей благонравной Флоренции?

— За правду об Острове Света! — сказал тот, что худее.

— Ага, и далеко он? — заинтересовался Делла Белла. — Не возле Леванта случаем?

— Нигде этого вонючего Острова нет и быть не может, — засмеялся рыжий.

— Молчи, злобная мартышка! — захлебнулся худосочный, и князь так и не узнал, близко ли к Леванту находится Остров.

— Ладно, — сказал он. — Вижу, что придется вам помочь. Говори вот ты, поросенок! — и ткнул пальцами в рыжего.

— Видите ли, уважаемый мессер, этот гнусный ублюдок, — ткнул в свою очередь в Герардо, — отравляет души людей баснями о том, что власть и достояние можно, как

булку, разре...

— Власть? — вдруг рявкнул князь, как будто его ужалило это слово. — Да ты знаешь ли, кусок грязи, что такое власть? Это значит: смотреть на людей, а видеть дукаты, корабли и пики, а за тенями событий и шуршанием слов различать людей. Это значит — терпеть и выслушивать всех и, соразмерив сказанное с небесным заветом, вершить судьбы подданных. Это милосердие и кровь; это умение быть почти что богом, забей себе это в глупую голову, чучело, и не рассуждай слишком много.

— Да я ему о том и говорю! — обрадовался рыжий. — Я и говорю: ведь мясо-то все равно должен кто-то по мискам раскладывать? — забывшись, подмигнул князю. — Какое сборище идиотов, а? Заведется один вор — всех и облапошит!

— Что ж, тогда вора — судить и повесить! — презрительно усмехнулся жидковолосый Герардо.

— Ха-ха! Хорош Остров Света с виселицами! Чем он лучше богоспасаемой Флоренции?.. А потом, скажу тебе, — наклонился и — брызгая слюной: — кто мясо делит — тот и будет вешать.

— Это на что ты намекаешь, бездомная собака? — подозрительно спросил князь, и рыжий, подавившись, замолчал. — В священной Флоренции процветает закон. Народ сам избирает себе правителей и благоденствует.

— А-а! — с желчной задумчивостью произнес черный. — Все эти «капитаны народа», «знаменосцы справедливости», которые творят, что хотят? Лучше бы их назвали: «капитаны грабежа» и «знаменосцы наживы»... Только на Острове Света ждет подлинная свобода.

— Ха-ха! — вновь ожил рыжий. — Свобода! Собери этих свободных, чтобы обсудить простейшую ерунду — и увидишь, как они передерутся, не договорившись. Человека надо унизить! Тогда он станет мудрее. А свобода... — рыжий сплюнул. — Свободными людишки себя чувствуют, когда им говорят, что делать.

— Нет, гнилой сморчок! Свободными люди себя чувствуют, когда не чувствуют себя беднее других.

— Бр-р-р-р! А не скучно ли будет быть такими... одинаковыми?

— А многим ли весело, когда и душа, и тело оцениваются в дукатах?..

«Да они самые обычные сумасшедшие, — подумал князь, — что думают — то и болтают!»

— Как же твой vox populi — глас народа? — уже кричал рыжий. — Поперли мессера Филиппо из гонфалоньеров, а после смерти он был с почетом похоронен теми же, кто при жизни донимал его оскорблениями и клеветой!

— Это происходит тогда, когда блеск денег сводит всех с ума, и ты сам это знаешь! — отвечал черный.

«Точно — сумасшедшие!» Князь встал с вонючего топчана, но те двое продолжали гневно перестреливаться и вроде бы даже не заметили княжеского вставания.

— А если кто не поймет твоего рая? Силком потащишь?

— Джованни Медичи был кротким и мягким, а при нем только стало больше раздоров!..

Альбериго Делла Белла выпятил из бородки губу, но подумал, хмыкнул и убрал обратно. Квакающие в луже лягушки недостойны княжеского гнева.

За дверью серым привидением стоял монашек.

— Ты кто?

— Причетник... Брат Паоло, — сказал тот, пугливо заикаясь. — Отец Пьетро велел... ключ чтобы...

Монашек юркнул вбок, и князь услышал за спиной стон задвигаемого засова.

Отец-настоятель гулял по двору.

— Сегодня, думаю, дьявол может идти обедать вполне довольный собой, — кротко заметил он.

— Не надо лишних вздохов, друг мой, — сказал ему князь. — Просто два ненормальных болвана. Я так толком и не понял, о чем болтали их глупые языки... А в общем — все это я и раньше знал. Ничего такого особенного. Чего с ними маяться? Пускай ползут прочь из нашего города.

Отец Пьетро страдальчески сморщился.

— Как же отпустить их вот так — со всеми грехами?

— Какие же грехи у умалишенных, подумай сам. И болтовня их неба не трогает.

— Помню, Мария Грасси тоже отрекалась от преступлений... А потом призналась, что ела младенцев. Предпочитала печень.

— Не знаю, — сказал князь, у которого губа снова начала вылезать, а в горле засипел нехороший сквозняк, — не знаю, что они там ели, а отпустить двух этих дураков придется, Пьетро, — Альбериго Делла Белла оценивающе осмотрел полузакрытые глаза монаха, сжавшийся в кривую складку рот — и забил последний гвоздь: — И сдела-

ешь это сегодня... Что ты там шуршишь?

Он повернул к рясе ухо и расслышал:

— ...велики грехи наши...

— Велики, друг мой, и наши, и ваши... Одна надежда — на заступника, святого Джованно... О! Смотри-ка, благородные синьоры уже помолились и ждут! Что же, хорошенькое у вас тут местечко, тихое. Но пора в суету.

— С богом, — буркнул монах.

— Аминь! — заключил князь. — И не забудь о моей просьбе. Я о ней буду помнить.

Отец Пьетро некоторое время смотрел вслед конским задам и подпрыгивающим коротким плащам, а когда обернулся, то увидел серую фигурку, протягивающую ему ключ.

— Иди со мной, Паоло, — причетник засеменил, легко шаркая, и послушно молчал. Наконец отец Пьетро остановился, созрев для разговора. — Скажи братьям, чтобы натаскали хвороста и дров. Сегодня должен свершиться суд над двумя отступниками.

Брат Паоло не понял.

— Двумя этими?.. — попытался он уточнить, показывая куда-то.

— Этими, этими.

— А... князь?

— Ну и уши у тебя, Паоло! А что — князь? По сравнению с вечным небом и вечной идеей... — он сделал вид, что сдувает муху. Как видно, отец Пьетро не был лишен философских наклонностей. Вздохнув, он посмотрел в серенькие облака. — Вот где свобода духа, вольная игра стихий... — он опустил взгляд с неба прямо в разинутый рот причетника и, спохватившись, усердно перекрестился, взял с груди крест и поцеловал. — Аминь!

— Аминь, — отозвался причетник.

Затем, дав брату Паоло ласковую затрещину, отец-настоятель пошел дальше, сокрушенно приговаривая:

— Ей-богу, завидую я где-то этим двум бездельникам. А тут — следи за картулярием и пожертвованиями, просматривай записи о поминовениях, организуй работы по посеву, вытряхивай из крестьян платеж с земли, заключай рыночные сделки, готовь места для погребения синьоров, и чтобы все были довольны! ругайся с мельником, меняй луг на виноградник, напоминай, чтобы проветривали утварь и книги...